

Заславский Григорий 7.02.03 Самое прекрасное на радио – это звенящая тишина!

Откровения тружеников прямого эфира

Ксения Ларина – звезда радиозэфира. Начиная она, как известно, на «Ностальжи», но уже много лет ее голос – это голос, которым говорит «Эхо Москвы». «Четыре минуты с театром», «Театральная площадь», всяческие беседы с известными людьми – это все она. Григорий Заславский занимается примерно тем же на «Маяке 24»: ведет программу «Культурный вопрос», беседует со всякими знаменитостями. Однажды они встретились и поговорили – как, что, чего.

Григорий Заславский: У тебя сегодня эфир начался в девять, а закончился в два. Какие ощущения? Усталость или, наоборот, как будто чего-то хорошего лишили?

Ксения Ларина: Зависит от эфира. Когда эфир удачный,

сы. А эфир заканчивается, и нас опять ничего не связывает, и не о чем говорить. Я не знаю, что это такое.

– Он работает. У меня так было недавно с Х. Пришел совершенно усталый, а загорелась красная лампочка в студии, он вдруг ожил, начался истории – об этом шоу, о будущих планах, про Францию, про то, про се.

– Я именно его и имела в виду. С другой стороны, я таких людей уважаю. Мне с ними интересно. Он приехал работать бесплатно. Вот за это я люблю Сережу Маковецкого, он никогда просто так не приходит, пытается все время решить какие-то важные для себя проблемы, то есть просто так не болтает.

– Вы не платите за интервью?

– Нет, конечно. А вы?

– Тоже нет. Но сегодня часто случается, когда люди задают такой вопрос.

– Да, бывало.

– И что вы делаете?

– Ничего. Не платим.

– А по-твоему, радио должно платить? Ведь это же работа?

– Сложный вопрос. Меня позвали на одну телевизионную программу провести маленькое интервью с героем программы, и я сразу спросила, платят ли они. Они ответили, что нет, но в итоге заплатили. Я думаю, права ли была я, задавая этот вопрос. А потом подумала, если бы меня позвали в гости – принять участие в обсуждении какой-то темы, то такого вопроса бы не возникало. А здесь меня приглашают сделать то, что делаю на работе. У нас были Де Ниро и Лайза Миннелли, и им в голову не приходило задать вопрос о деньгах, им или их агентам. А потом моя подруга, которая

У нас были Де Ниро и Лайза Миннелли, и им в голову не приходило задать вопрос о деньгах

я еще долго нахожусь в перевозбужденном состоянии, хочется разговаривать, что-то объяснять. А когда неудачный, то я его тоже долго потом чувствую. Сегодня вот эфир не задался с самого начала.

– Приходит гость и... не уходит. Желание продолжать с ним разговор после эфира остается?

– Это тоже зависит от человека. От настроения. От того, насколько мы друг другу интересны. Иногда доходит до смешного. У меня в гостях – известный человек, выдающийся, мы сидим перед эфиром, минут за десять и говорить не о чем. Висит неловкость. А в студию заходим, разговор идет, и появился интерес. Откуда он появился? Я вижу, что он не отработывает положенное эфирное время, не укладывается в него. Ему интересно отвечать на мои вопро-

Для ведения эфира Ксении Лариной не нужно готовиться заранее.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

живет в Нью-Йорке, спрашивала: «Ты разговаривала с Де Ниро?» – «Да, разговаривала». – «Ты что, у нас люди в очереди годами стоят на интервью. А тут так все запросто».

– Что же это значит? Что он не воспринимает страну как конкурентоспособную?

– Думаю, у него было намечено несколько интервью и компания, которая его привезла, уже сама выбирала станцию.

– Об ощущениях: смешное замечание. Приглашаешь Виктюка или Ширвиндта, и всегда они, даже если речь о записи, а не о прямом эфире, приезжают заранее. Иногда даже сильно загодя. Молодые всегда торопятся, приходят минута в минуту, когда уже весь на нервах. Даже опаздывают. Я вывел своеобразное правило: чем более человек знаменит, тем более он пунктуален. Есть у тебя ощущение разницы между звездами прошлых лет, которых так и не называли даже, и нынешними, которые становятся звездами после первой удачно сыгранной роли?

– Конечно. Мне очень часто говорят: «Вот ты говоришь, раньше были личности, а они личностями стали». Но «Современник» создавался актерами, которые не намного старше нынешних звезд. Другой был уровень общения – со зрителем, друг с другом. И я это чувствую. Иногда хочется позвать какого-то молодого хорошего актера. И вот я с ним разговариваю, но он может говорить только о роли, которую в данный момент репетирует. И никуда из этого пространства ты его не выведешь, потому что ему нечего сказать.

– Ты как-то готовишься к эфиру, пытаешься заранее поговорить с будущим собеседником?

– Не получается. Раньше звонила по телефону, вела долгие беседы, а потом поняла, что этого делать не нужно. Все будет только в прямом эфире, и ошибки, и огрехи.

– Нет заранее подготовленной импровизации?

– Никогда. Как только я напишу себе несколько вопросов, все, я перестаю слушать собеседника и думаю только о том,

как высказать ту гениальную мысль, которую я себе сама придумала. Ведь всегда интересно наткнуться на какую-то новую тему, о которой не думал. У тебя разве не так?

– Я всегда пишу себе какие-то вопросы. На всякий случай. Двадцать пять минут – двадцать пять вопросов.

– Зря. Попробуй как-нибудь безо всяких вопросов. Поверь, интереснее будет, честное слово.

– Ваша радиостанция – политическая. На интервью с деятелями культуры это как-то распространяется?

– Конечно.

– То есть вы можете кого-то пригласить, а кого-то – нет?

– Такого еще ни разу не было. Никаких табу. Ну, фашисты, это понятно – с точки зрения законности мы все соблюдаем. А в остальном – и Губенко, и Захаров, и Доронина. Все у нас были. Есть, конечно, люди, которых я никогда не позову, потому что они мне не нравятся по-человечески. Это не значит, что он никогда к нам не придет, просто придет на другой эфир. Он даже не узнает, что я его не люблю.

– «Четыре минуты с театром» проходят в жанре гимна. Так и задумывалось?

– Почему как гимн?

– Звучит каждый раз как гимн. Иногда без пафоса, иногда с большим пафосом, но это всегда – восхищение игрой, спектаклем... Не так разве?

– «Четыре минуты с театром» существуют столько, сколько я здесь работаю, одиннадцать лет. Когда я начинала это делать, мне было сложно, я же не театральный критик по образованию. Я просто люблю театр. Это – не театральный разбор, рецензия или гимн, а субъективный, эмоциональный взгляд после спектакля. Понятно, что многое из того, что я делала тогда, сейчас я себе позволить не могу. На уровне оскорбления и хамства призывала к ответу, тормозила людей, а мне потом звонили и говорили, как я могу говорить такие ужасные вещи про того или иного. Постепенно произошло взросление. Скажу честно, я не люблю ходить на плохие спектакли. Окончание на стр. 15

Самое прекрасное на радио — это звенящая тишина!

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Поскольку это не моя основная работа, если пришла и мне не понравилось, то скорее промолчу. Кроме того, ты обрастаешь уже связями, хорошими отношениями. Поэтому лучше промолчать лишний раз. А с другой стороны, я читаю иногда то, что пишут критики, и не могу понять, в чем же смысл этой профессии? Просто походя обхамить, заметить, что актер уже старый, больной, сколько пьет, и так далее? Крымова умерла. Ты можешь назвать кого-то, сопоставимого по уровню? А ведь она ушла с этой работы сто лет назад. И после нее не возникло ни одного человека такого уровня. Плохо учат? Вроде бы нет. Может, эти умения ее сейчас никому не нужны? Сегодня не пишут подробных разборов спектакля, потому что читать это, кроме актера, будет некому.

— Да, я помню, как мы в «Независимой» проводили 10 лет назад опрос актеров и режиссеров, и Крымова, которая уже не писала с прежней периодичностью, вышла на первое место. Как самый авторитетный критик. Следующие шли за ней с большим отрывом... А почему именно четыре ми-

— Нет. Но если приходит гость и говорит, что он не может говорить ни о чем другом, то — да. А у тебя не так?

— Я — на государственной радиостанции. Поэтому, конечно, какие-то ограничения доходят до нас быстрее и позиция известна более или менее заранее.

— Лишь бы в суд не подавали.

— А бывало?

ции сознания. Когда недовольство тем или иным словом в статье вызывает желание и обещание «дать по морде». Написана неправда — подай в суд, пришли опровержение. Если же — правда, то, по нынешним представлениям, надо прибегать к непарламентским формам борьбы... У меня таких обещаний было несколько,

смотрела, то возникает междусобойчик, обсуждение конкретных сцен в спектакле, и с нами остаются человека три, которые это слушают. Что касается промоушна, то — да, иногда даже думаю: зачем ты все это делаешь, ведь даже денег не заплатят?! — И даже не предлагают.. Но «Эхо Москвы» значит информационным спонсо-

Это — его мнение. Но Черкизова я привела как пример самых радикальных мнений. Надо относиться к мнению другого уважительно.

— Бывает, что ты очень хочешь о чем-то сказать...

— Я не могу молчать и говорю, если что-то беспокоит.

— А если не совпадает с тематикой программы?

— Все можно. Венедиктов театром не очень увлекается и поэтому, наоборот, любит, когда в театральных программах мы резко сворачиваем на какие-то другие темы.

— Для меня вопрос, нужны или нет звонки слушателей. В «Культурном вопросе» их нет. А в «Театральной площади» у тебя появились звонки слушателей, которых раньше не было. Это, потвоему, обогатило передачу?

— Да, по-моему, ничего не изменилось. Иногда происходит такой разговор глаза в глаза, что понимаешь, что не нужны звонки, и мы их не пускаем. Вот что такое паузы на радио? Когда Табаков приходит в студию, замолкает и в этом его молчании слышна интонация! Как ее нарушишь? Мне многие говорят, что я хорошо делаю, что не стараюсь заполнить эту тиши-

Театр становится серьезным бизнесом, и мы своим нелюбимым словом можем этому бизнесу помешать

— Что касается театра, то в суд не подавали, но была одна удивительная история в моей жизни, которую я никогда не забуду. Написала я рецензию на спектакль с участием одной звезды. Спектакль жуткий, она играла ужасно. Я пыталась это сгладить — мол, наверное, не самый удачный материал, режиссура. Проходит время, звонит муж этой артистки и говорит: забудь наш телефон, имя моей жены, а если встречу

причем от людей, которых принято считать интеллигентными. Театр перестает быть только театром, становится серьезным бизнесом. И мы своим нелюбимым словом можем этому бизнесу помешать.

— Да, это чувствуется. Мне обидно, что все идет куда-то не туда. Я понимаю, что артистам нужно нормально платить, но все становится так примитивно, и происходят эти

ром едва ли не всех спектаклей в Москве, всех фестивалей. Зачем?

— Так ведь это ни к чему не обязывает. Ну что страшного в том, чтобы разыграть для зрителей билеты и прочитать афишу?

— Ты же не единственный специалист на станции, занимающийся театром. Как соединяется то, что кто-то на радио может поругать, с тем, что ты похвалила?

Двум профессионалам легко понять друг друга.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

нуты? Как это определилось время?

— Когда это появилось, мы не знали, как назвать. На радио «Ностальжи» я писала рецензии, написала рецензию на «Крутой маршрут», и рецензию запороли. Сказали, что тема плохая для развлекательной радиостанции. И мой папа принес это на «Эхо Москвы». Первое время действительно всегда выходило четыре минуты. Так и оставили.

— Мне часто говорят, что я говорю слишком быстро, какие-то знакомые просят не так спешить. Тебе важно, говоришь ты медленно или быстро?

— Я стараюсь, чтобы было понятно. Специально не слежу. Иногда несет, но пытаешься себя останавливать.

— Меняется политика в стране, меняется политика на станции. Она то чуть дружелюбнее к власти, то — наоборот. Могут быть какие-то конкретные вопросы, которые нужно обязательно задать?

на улице, лучше переходить на другую сторону, а иначе лишишься того-то и того-то. Я была в шоке, он звонил главному редактору радиостанции, говорил, что им не нужно прислушиваться к мнению злов-

перемены незаметно для тех, кто этим занимается. Уверена, что те, кто в этом участвует, понимают, что для театра это — несчастье.

— Говорить об этом — все равно, что призывать к

— Такое бывало. У «Эха Москвы» нет позиции.

— У Венедиктова куча позиций!

— У Венедиктова, Черкизова, Лариной, Ганапольского, Багдасарян. Ради бога! Но «Эхо

ну. Висит звенящая тишина, как в театре. Но это бывает нечасто и только с очень талантливыми людьми. Иногда мне кажется, проходит целая минута, но так, конечно, только кажется.

— Надо мной смеются все в последнее время, что я меняю свое отношение к людям. Встретился на радио, поговорил и уже — полюбил. И уже нравится, что они делают в театре, например. А ты часто меняешь свое отношение к человеку после разговора в студии?

— Я могу изменить отношение к человеку, которого я до этого лично не знала. Могу либо очароваться, либо наоборот. С людьми, которых я знаю давно, такого не происходит. Но вот я ни разу не разговаривала с Петром Наумовичем Фоменко. А очень бы хотелось с ним побеседовать. Когда сидел в студии Де Ниро, я думала: «Все, о чем еще можно мечтать? Я в Москве, вот так запросто болтаю с ним!». А вышла и подумала: «Ну и что?»

ной неудавшейся актрисы. А до этого была такая любовь! Я бывала у них в доме и настолько купилась на допуск в их пространство, что теперь испугалась всерьез. Мне никогда никто таких слов не говорил. Теперь я даже имени ее не упоминаю. Просто боюсь. Я поняла по интонации, что он может прийти и ударить.

— Опыт подсказывает, что это — примета криминализа-

нравственности. Дело важное, но скучное. А если об этом не говорить, то выходит, что мы соглашаемся рекламировать театр в не лучшем его проявлении?

— Знаешь, с одной стороны, я люблю говорить с людьми о работе, которую еще не видела. Нет обязательств. Есть живой интерес, обо всем я узнаю вместе со слушателями. А когда говорю о том, что уже по-

Москвы» — коллектив сотрудников, каждый из которых имеет право на личное мнение. Никаких разборок по этому поводу не было.

— А если тебе что-то не нравится в позиции коллеги, как ты решаешь этот вопрос?

— Мы часто расходимся. Зачем это обсуждать? Чтобы сказать Черкизову, что он не прав? Зачем? Его уже в суд вызывали.

Пауза на радио — это когда Табаков приходит в студию, замолкает и в этом его молчании слышна интонация!